

Ничего не забыв ...

Август, 94

Ничего не забыв, сам себя пережив,
в Петербург я вернусь совершенно седой,
загорелый , похожий на свой негатив.
Полукружье моста глубоко под водой
изогнётся, двойную дугу очертив,

словно люлька для тени бездомной моей..
И я снова внутри...Отраженья со дна
поднимаются вверх...Я продрог до костей...
Белой ночью плывёт по зелёным волнам
пароходик, обвешанный визгом детей.

Уплывают дворцы сквозь слоистую муть...
Лишь Исакия купол блестит вдалеке
как облитая золотом женская грудь
с почерневшим крестом на разбухшем соске...
И плывут отраженья в последний свой путь.

Вереницей светящихся каменных плит
в ночь еврейское кладбище тихо плывёт...
Там в земле заболоченной мама лежит.
Уплывает под арку моста пароход,
и склонившись за борт кто-то плачет навзрыд.

Это я, превратившийся в свой негатив,
на экскурсию с классом полжизни назад,
сам себя пережив, уплываю в залив...
И на дно опускается мой Ленинград.

17 Июля, 96

Претворяясь в слова,повторяюсь:
Притворяюсь я, что притворяюсь.

Грибное место жёлтых фонарей.
Плывут, как щепки по реке, погоны.
И свет в кристалле будки телефонной
дробится миллионом плоскостей.

Чужое время, взятое взаймы,
течёт дождём, и двойничок мой пьяный
пиликает мотив из Дон-Жуана
опять всю ночь у городской тюрьмы.

Танцует в луже старый идиот,
размахивая своей тенью синей.
Сверкают брызги веером павлиньим,
и воздух жизни из бровей идёт.

Грозит толпе. Глокает чёрный дым,
из уха палец высунув громадный.
А в небесах летящий Медный Всадник
десницей раздвигает дождь над ним.

6 Дек., 93

В тот час, когда в загаженных парадных
крадутся квартиранты в темноте,
и над Невой, на страшной высоте
имперскою химерой Медный Всадник,
хрипя и улыбаясь плотоядно,
летит с кровавым знаменем в руке,
и уплывают в вечность по реке,
как чёрные гробы, между дворцами
пустые баржи, сажею мерцая...

В тот час и я уйду из этой Яви.

Март, 94

Стада машин измученных
режут в загоне площади,
уткнувшись в небо чёрное
клыками жёлтых фар.
Дрожат их скулы потные,
на коже свет полощется,
растёт, виляя в воздухе,

хвостов пушистых пар.

Ночь. Контур Петропавловки
из горизонта выпилен.
Он брюхо тучи нежное
царапает иглой.
Бездомные животные
во тьму сияют никелем...
И Всадник - как империи
осколок над скалой.

22-24 Мая, 92

Мой дряхлеющий город засыпало синей золою.
Это небо крошится на спины идущих с работы.
Камертоны решёток протяжно поют над землёю,
и Балтийская слизь набухает в груди как мокрота.

В цилиндрических трубах сырых, под жилыми домами,
словно ампулы мётрвого белого света, проворно
пробегают вагоны, набитые туго телами,
и со свистом во тьму исчезают пустые платформы.

Эскалаторы потную массу выносят наружу.
Ошалевшие люди выходят на чёрную площадь,
расползаются в улицы, лезут с терпеньем верблюжьим
вверх по скользким ступеням, находят квартиры наощупь

Открывают клеёнкой обитые двери, Зевают,
опускаются грузно в колючие рёбра диванов.
И, остатки вчерашней еды торопливо глотая,
застывают, уставившись в ящики с мутным экраном.

25 Марта, 93

Жили в сумерках вечных.
Почти что вслепую, наощупь.
Натыкались руками
на твёрдые, острые вещи.
Днём, когда очертанья

вещей проступали чуть резче,
из домов выходили
на поиски пищи. А ночью
собирались все вместе.
Часами на кухне убогой,
взявшись за руки, пели
во тьму исступлённо и строго:
„Снизойди на нас светом...
приди, освети нам дорогу...“

И казалось, что тьма
расступалась над ними немного.

Авг., 94

На чёрном небе вырезан квадрат,
зелёная луна внутри горит.
Под нею марширует взвод солдат,
стекает пот с раздвоенных копыт.

Шар облака на ниточке трубы
качается над сеткой проводов.
Они идут. Опутаны их лбы
настырною мелодией без слов.

Прицелясь в ночь двустволками ноздрей,
содатики выпячивают грудь.
Стальные свечи жёлтых фонарей,
как факелы, им освещают путь.

Процессия грохочет в темноту:
копыто за копытом, строй копыт.
Я у окна всю ночь - я на посту.
Глаз мозга моего чуть приоткрыт.

Ноябрь, 94

Каждый день дождевая завеса густая
опускается в семь. Ледяная вода
мой пластмассовый дом в темноте оmyвает.
Городских инструментов голодная стая

под окном начинает скулить. И тогда

зажигается в центре Вселенной звезда,
и антенны на крыше послушно вступают,
словно скрипки, в осеннем оркестре дождя,
из воды прорастают звоночки трамваев,
ветер трогает голым смычком провода...

И поющая лилия прямо над домом
распускает сквозь дождь лепестки облаков.

Март - Апрель, 96

...А где-то под утро сквозь мякоть рассвета
в небесном пергаменте, изжелта-синем
иглой солнца царапает ветер
чертёж моей жизни над Финским заливом.
Дни, словно штрихи, и пунктир рваных линий
теряется в туче... Конец перспективы.

Потом голоса прорастают везде,
сплетаясь в гортанно-бормочущий свод.
И тело плывёт сквозь рассветную слизь.
Так мост, отражаясь в небесной воде,
в дрожащие клещи берёт пароход...
Ещё один день по течению... вниз.

Ещё в один день по великой реке...
Прикрыв воспалёнными веками небо,
с разинутым ртом и с повесткой в руке
в сиянье плыву, затаивши дыханье.
Настойчивый звук прорастает, как стебель
среди голосов. Это крыльев шуршанье

над клеткой грудной. И становится страшно.
Я чувствую каждой частицею кожи:
кружится душа, как прозрачная птица,
над телом моим, ещё мною не ставшим.
Ведь клетка открыта, и птица, быть может,
хотя на мгновение, но возвратится.

5-6 Мая, 96

Глазницы размытые окон
от едкого дыма гноятся.
На дне их блестят воспалённо
набухшие лампочки-слёзы.
Чиновников чёрных потоки
из каменных зданий струятся,
как будто из жил отворённых,
тяжёлою кровью венозной.

Торчат фонари словно гвозди,
забитые в толщу асфальта.
В клубах ядовитого пара
расплавился мой позвоночник:
текут, истончаются кости,
и капают жёлтые пальцы
с шипением сквозь тротуары,
в родную болотную почву.

Над крышею туча свернулась
огромной, сияющей плетью.
И город, хрипящий дворами,
тасует фигурки прохожих
в белесых расщелинах улиц.
Но я успеваю заметить,
как слово „озноб“ пузырьками
всплывает под плёнкою кожи.

14 Авг., 97

Ночью трубы вздуваются
на мостовых под дождём -
варикозные вены
Живущего в Толще Болот.
Его тело растёт
в темноте всё быстрее с каждым днём.
Приближается время:
он встанет и город стряхнёт.

19-20 Окт., 96

Возле Большого Дома.

В трамваях все те же старухи с детьми
сидят неподвижно, скрежещут колёса
в Петейском проспекте напротив тюрьмы,
где столько часов я провёл на допросах.

И каждую ночь, ухмыляясь, плывёт
в венце из размокших трамвайных билетов
по чёрной Неве отраженье моё...
За ним караваны вождей на портретах
плывут между мёртвых дворцов под мостами
в белесый залив, где кончается память.

18 Мая, 95

„Чудище обло, озорно, стозевно и лайй“
Третьяковский, „Телемахида“.

Ленинград. 18 мая 1970.

Колонны дворцов изогнулись
и стали похожими сразу
на рёбра огромных рептилий...
Сквозь мясо пригревшихся улиц
ростками живых метастазов
трамвайные рельсы змеились...

Заштопывал рваные тучи
сияющими проводами
над крышами ветер со свистом...
Рептилии улиц тягучих
под солнцем свивались клубками
и кожей дрожали пятнистой...

Толпа ожидала покорно
в приёмной тюрьмы на Шпалерной,

как очередь в кассу вокзала...
И чудище обло, озорно,
и лаяй к тому же стозевно,
живьём человечков глотало.

Май, 93

**Стих о том, как моего друга вели
ночью через двор на допрос в 1970г.**

Набухшею чёрною щепкой
пльвёт по теченью смиренно
его голова в мятой кепке
среди твёрдых фуражек военных.

С небритым лицом неподвижным
идёт он, качаясь от ветра .
Серебрянный лунный булыжник
мерцает богатством несметным.

В седой голове семь отверстий,
раскрытые в ночь до предела.
И приторным запахом смерти
пропитано щуплое тело.

1991

В колодце двора снуют люди, как мыши.
Машины урчат в гараже за углом.
У дома напротив вдруг выгнулась крыша
сиамскою кошкою перед прыжком.

Сквозь ночь ошкетинившись шерстью антенной,
обрубленный хвост распрямила трубой,
шипит чердаками, косится на стены,
дрожит, изгибается чёрной дугой.

А люди продукты к себе в норы тащат,
с кульками в руках деловито снуют.
Сиамская кошка со стиснутой пастью

вверху поджидает добычу свою.

Янв., 93

Над каналом храм языческий
весь в пупырышках дождя.
Спит в сияньи электрическом
чёрно-жёлтая вода.

Тряпкой пёстрою, кровавою
обмотав кресты свои,
над водою жёлтой плавает
церковь Спаса-на-крови.

Купола висят в прострации,
чуть качаясь на ветру.
Льётся с неба радиация
сквозь озонную дыру.

Кто-то спит на грязных ящиках,
кто-то кается в грехах.
И проходит в мокром плащике
автор этого стиха.

Памяти Великой Коммуналки.

1988

К восьми возникает старуха
с ангиною нежною в горле.
В прожжённом китайском халате,
за столиком возле окошка
шинкует мороженный воздух,
заутреню молча справляя
над жёлтой латунною миской.
И крошится ретушь морщинок,
как чёрная перхоть, на плечи.

Плита, как квадратная клумба:
четыре цветка ядовитых,
четыре шипящих конфорки
горят фиолетовым светом.
Изогнутый столб позвоночный
мучительным знаком вопроса
висит над начищенным полом,
и пальцев костлявых фаланги
гигантскими тенями бьются
по синим прокуренным стенам.

И заспанные гегемоны-
соседи по жизни и кухне -
бредут, словно зэки, цепочкой,
следы на полу оставляя.

Мне долго следы эти снились...

5 Дек., 95

На кухне шла дуэль на сковородках.
Сражались молча. В адской темноте
звенел металл, мелькали папильотки,
огонь конфорок бился между тел.
А за стеной соседи жрали водку -
там мыслящий камыш всю шумел.

По коридору шастали старухи,
расталкивали потных мужиков.
И матерок, пропахший русским духом
рыгалий праздничных, осипших голосов,
перетекал ко мне в воронку уха
настырную мелодией без слов.

Сжималось время с жуткой быстротою
меж рюмкою и кухонным ножом.
Наполненные вещной теплотою,
брели по дому запахи гуськом,
родной кораблик плавал на обоях,
сирены голосили под окном...

В других домах, в таких же вот квартирах
ютились те же люди- мы росли
все вместе в тесной коммуналке мира.
И Квартуполномоченный Земли,
усатый человек в простом мундире
распределял дежурства и рубли.

8-11 Сент., 93

Постучался. Открыла соседка.
Кто-то в майке сидел за столом.
Запах тления, сладкий и едкий,
плыл из спальни. И было тепло.
На скамеечке кошка скулила,
вытирая со всхлипом глаза.
В толстом слое велюровой пыли
золотились над ней образа,

И на ржавых петлях скрежетала
в ключьях рваного войлока дверь...
А соседка ко мне приближалась.
Я отчётливо видел теперь,
как под платьем хлопчатобумажным
её груди росли изнутри,
словно сдобные булки, и в каждой
килограмма не меньше, чем три.

Тело вверх поднималось, как тесто,
распирало одежду на ней,
всем причинным и следственным местом
прижимаясь ко мне, всё тесней.
Кто-то в майке с остатками пищи
на губах повернулся спиной,
и блеснул за его голенищем
финский нож с рукояткой стальной.

Кошка выгнулась, глазом зелёным
подмигнула и стала опять
лицемерно скулить под иконой
и со всхлипом глаза вытирать.
Запах тления сладкой волною
с головою меня окатил.
И я крикнул всей клеткой грудною

из последних оставшихся сил.

И проснулся...

Янв., 92

Сквозь сон, как в замочную скважину,
увидю свои предыдущие жизни
В последний момент себя вытащу заживо,
и струйкою слов рот раздавленный брызнет.

Старуха, давно уже впавшая в детство,
лепечет молитвы и просит упрямо
Знаменья. Пятнистые, дряблые руки
лежат неподвижно на выцветшей юбке.

В углу телевизор. Лицо Президента
висит в ожерельи из боеголовок,
брезгливые губы трясутся словами,
как в сети попавшие жирные рыбы.

Огромная Кошка в продавленном кресле,
зевая, следит за губами Генсека
и истово крестится пухлою лапой,
как будто пытаюсь прогнать наважденье.

Щелчок. В телевизоре хрустнуло что-то:
экран покрывается синею слизью,
и в длинную комнату прямо сквозь стену
вплывает кудрявое облако света.

С жужжанием движется в рое пылинок
над креслом, над остолбеневшею Кошкой,
на миг застывает и плавно садится
в сухие, лиловые букли Старухи.

Трясётся посуда в шкафу истерично.
Над облаком, вспыхнув, взрывается люстра:
сквозь рой до бела раскалённых пылинок
отчётливо из темноты проступают

огромная Кошка с обугленной шерстью,
комод с кружевами истлевших салфеток,

моя фотография в сломанной раме,
и в самом низу, на блестящем паркете

Старуха с блаженною детской улыбкой.

1990

Вернусь иностранцем к себе в коммуналку.
Всё то же кирпичное, чёрное мясо
лоснится в обглоданных временем балках,
и лампочка светит в углу безучастно.

И где-то у вешалки, в грязной прихожей,
вверху, в отороченных пылью обоях,
свисающих в заживо содранной кожей,
я в треснувшем зеркале встречаюсь с собою.

Авг., 93

Петербургские Стихи

В. Гандельсману

-1-

Дождём отполированный
графин пузатый купола
сквозь синий воздух светится
в футляре золотом.
Струится свет с Исакия,
полощется и хлюпает
внутри вино закатное
под пробкою с крестом.

Посапывая, греется
собора туша сонная,
вдыхает слизь болотную,
вся, как орган, гудит.
И хороводом медленным
колонны многотонные
плывут вокруг Исакия
в гранитных бигуди.

Качаясь в люльке месяца,

храм Божий отражается
над Петербургом нищенским
в зеркальных облаках.
Из купола прозрачного
по небу растекается
бессмысленною роскошью
багровая река.

-2-

В Двенадцати Коллегиях
чиновники бесполое
на низких подоконниках,
как статуи, стоят.
Совиные, тяжёлые,
прилизанные головы
блещат очками толстыми,
уставившись в закат.

Широкой ртутной лентою
лежит Нева Викентьевна.
Скользят по ней торжественно
в мазуте голубом
корыта баржей угольных.
И расцветают медленно
трезубые светильники
над Троицким мостом.

Прочерчена линейкою
над бывшею столицей
игла Адмиралтейская.
И контур седока,
летающего по площади
с простёртою десницею,
печатью Фальконетовой
оттиснут в облаках.

-3-

Согнув рога смиренные,
автобусы стеклянные
петляют неприкаянно
по чёрной мостовой.
Как гроздь перезрелые,
висят из окон пьяные,
на тонких шеях лица их
горланят вразнобой.

На улицах обшарпанных
торгуют дрянью разною
шеренги баб раскрашенных,
настырных мужиков.
Перебирая лапами,
в пасть магазина грязную
сороконожка - очередь
ползёт между домов.

В одном из зданий каменных
„Я-Сам“ сидит, набычившись,
и Стансы Петербургские
над рюмкою пустой
бубнит, как заклинания,
не очень-то лирический
стихотворенья этого
не слишком-то герой.

1987

. **Невская эстафета.**

Имперский кентавр на зернистой скале,
ощерив усы, над Невою летит.
Помёт голубиный на медном челе
стекает, как белые слёзы, в гранит.
Указ-эстафету-России судьбу
Кентавр-император зажал в кулаке.
И руку навстречу ему протянул
плюгавый диктатор на броневике.

15 Апр., 96

Обмылками солнца - такси.
Имперский разлив площадей.
Копыта , мундиры , усы ,
летающая бронза плащей.
Взмывает с насиженных мест
голубок урчащих толпа.

Из купола, выдернув крест,
поставил его на попа
над тучею ветер морской.
Промоины окон горят
расплавленной в камне слюдой:
фильм жизни запущен назад.
И где - то уже вдалеке
железные крыши домов
всплывают в небесной реке,
как крышки забитых гробов
над башнею этих стихов.

23 Дек., 89

Принарядились зданьица.
Все кружева расправили.
В зелёно-белых платьицах
плывут сквозь облака.
Гирляндой окна тянутся,
в них, словно мёд расплавленный,
по чёрным стёклам катится
Рождественский закат.

Плывут в закатном пламени
дворцы одноэтажные,
янтарным ожерелием,
качаясь над Невой,
колонны в буклях каменных
блестят алмазной сажею -
дряхлающие фрейлины
справляют Рождество.

1 Янв.-15 Янв., 95

... И лифт меня уносит в небосвод.
Вдогонку ветер жалуется, стонет.
Пенал прозрачный в облаках плывёт,
весь Петербург внизу- как на ладони.

Прострочены сквозь бархат площадей
троллейбусов стеклярусные нити,
дрожащим веществом толпы людей

распластанные улицы залиты.

С броневика орёт беззвучно вождь,
снут одутловатые машины,
и морозящий, серебристый дождь
смывает лица с окон магазинов.

Плывёт припетербурженный ямбок,
синхронизуя все движенья с ритмом
тяжёлой крови, бьющейся в висок,
и с бормотаньем праздничной молитвы.

Прозрачный лифт взлетает в небосвод
сквозь облаков разорванные клочья...
В нём, выйдя из телесной оболочки,
моя душа над городом плывёт.

12 Окт., 96

СВЕРХУ

Мой город, как текст, как посланье,
где в набранных густо подряд
кварталах - параграфах зданий -
вкрапленья античных цитат.

И фраза из камня одна,
пытаясь в слова воплотиться,
блуждает в мозгу у меня
как сон, не нашедший сновидца.

7 Окт., 94

Романс.

Выйди в ночь и иди на окраину,
в твой прокуренный дом, где, как встарь,
у подъезда торчит неприкаянный,
от дождей пожелтевший фонарь.

Здесь единственный шанс на спасение -
этот город, фонарь, миражи...

Помолись и слова очищения
в своём сердце смиренно сложи.

Ранку воздуха, йодом прижжённую,
взглядом бережно пе-ре-бинтуй.
И белесую плоть воспалённую
всей коростою губ поцелуй.

Исцеление будет даровано,
и ты кожей почувствуешь вдруг:
жизнь твоя в этот город вмурована,
в Ленинград-Петроград-Петербург.

Март, 94

Между Николаем и Петром
сквозь асфальт, нагретый добела,
рос Исакий за моим горбом,
и стояли в небе по углам
два лиловых солнца, окоём
выжигая медленно до тла.
И текла в сиянии двойном
вверх Адмиралтейская игла,
небеса разрезав пополам
жёлтым металлическим ручьём.

Завернувшись в солнечную пыль,
трепетала туча в белизне
бабочкой, наколотой на шпиль.
Изогнулся Медный на коне
и, проткнув сиянье парой крыл,
двинулся по воздуху ко мне.
Вспыхивал копытами, скользил,
и огонь струился по спине.
И тогда над солнцами, в огне
Петербург небесный проступил.

[На Предыдущую Страницу](#)